

О. Н. Стафеев

Образ Севера Западной Сибири эпохи индустриализации в трудах мемуаристов.

Мемуары являются одними из наиболее интересных источников, которые предоставляют возможность для их изучения с точки зрения запечатленных в них образов событий, поведенческих моделей-образов, геокультурных образов в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов, позволяющих индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.

В воспоминаниях наиболее полно отражаются образ региона и людей, его осваивавших. При этом мы согласны с мнением Н.Н. Родигиной, что образ региона – «это не просто отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, но и продукт коллективного воображаемого, который может сознательно конструироваться заинтересованными интеллектуальными или политическими элитами»¹.

Воспоминания как раз представляют собой пример такого «заинтересованного конструирования», которое выполняет ряд идеологических задач и функций. Относительно истории нефтегазового комплекса можно выделить две большие интеллектуальные группы – партийные функционеры и производственники. В их воспоминаниях отражалась определенная картина освоения, влиявшая на ценностные ориентиры и создававшая определенные поведенческие модели.

Образ региона в трудах мемуаристов формировался не на пустом месте: большую роль играли имевшие место в более ранние периоды мифы и стереотипы представлений о Сибири. К ним можно отнести образ малоизвестной земли, страны каторги, изгнания человека из цивилизации, представление о далекой, холодной стране и одновременно с этим, в полной мере не открытой ресурсной кладовой России².

Данный факт прослеживается в активном использовании в воспоминаниях отрывков произведений, написанных чиновниками и ссыльными в XIX – начале XX вв. Характеризуя край до периода индустриализации, Н.К. Байбаков (нефтяник, руководитель Госплана СССР в годы освоения и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири) отмечает: «Известно, что сто с лишним лет назад, после завершения путешествия по сибирскому краю, И. Завалишин в своей книге «Описание Западной Сибири» назвал Тюменщину миром теней, обителью скорби и плача, пустынным краем, созданным только для вечных мучений ссылки. Смерть, вечный холод и вечное молчание, сокрушался автор, – вот принадлежности этого Дантова «ада».

По неизмеримым пространствам пустынной тундры и тайги бродили племена ненцев, ханты, манси, селькупов. Лишенные гражданских прав, северные наро-

Стафеев Олег Николаевич, к.и.н., преподаватель Сургутского государственного педагогического университета.

Эл. почта: varnak81@mail.ru

¹ Родигина Н.Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006. С. 46–47.

² Там же. С. 322–326.

ды жестоко эксплуатировались купцами-ростовщиками, рыбопромышленниками и своей родоплеменной знатью: старшинами, кулаками, шаманами, державшими их во власти языческих суеверий.

Царский чиновник, генерал Андрусевич, знакомясь с сообщениями о бедах Сибири, цинично заметил: «Что такое Сибирь? – Это гигантское заснеженное кладбище ... «Даже из этих немногих высказываний становится ясным, что современная Тюменская область, бывшая Тобольская губерния, была одной из наиболее отсталых окраин царской России...»¹.

Одновременно с этим еще с XVIII в. в обществе формировался определенный стереотип о Сибири, как потенциальной кладовой России, которая привлекает к себе и одновременно страшит. Описывая потенциал Сибири, тот же Н.К. Байбаков опирается на замечания сибирского ученого, историка, архитектора С.У. Ремезова: «Воздух над нами весел и в мирности здрав и человеческому житию потребен. Ни добре горяч, ни студен ... Земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и другими зверьми бесценными. И торги, привозы и отвозы привольны. Рек великих и средних, заток и озер неизчетно; рыб изобильно множество и ловитвенно. Руд, золота и серебра, меди, олова, свинцу, булату, стали, красного железа и укладку и простава и всяких красок на шелки и камней цветных много и от иноземцев скрыто, а сибирякам неразумно»².

Очень точно подметил Ф.К. Салманов (один из первооткрывателей, руководитель Главтюменьгеологии) отношение к Сибири как кладовой на протяжении веков. Он пишет: «В XVIII в. говорили: «Сибирь – наша Перу и Мексика». В XIX в. – «Это наши Соединенные штаты». В XX в. – «Сибирь – источник колоссальной энергии», «край неограниченных возможностей»...меняется техническая вооруженность человека, меняются потребности, меняются и характеристики Сибири. От богатств самородных, лежащих на поверхности и близ поверхности, до богатств глубинных и производительных – все есть в Сибири, каждому веку она угоддала, и в оценках ее, от первых слухов до последних научно-экономических обоснований, постоянно видна превосходная степень»³.

В связи с этим большую роль в формировавшемся образе региона играл наступательный мотив преобразования «дикого» края в цивилизованный (индустриальный) регион, своего рода «поход» на неосвоенный и суровый край. Это очень четко отразилось в распространении особой терминологии среди которой наибольший интерес представляет ряд понятий.

Ключевыми понятиями, активно используемыми в мемуарах, были: «поле битвы», «нефтяные богатства», «обустройство», «освоение», «первопроходцы», «герои» и т. д. Понятие «обустройство», прочно вошло в повседневный язык с конца 1960-х гг. Оно считается областным (сибирским) понятием, и понималось вначале как устройство нового места. В период индустриализации это понятие исполняло роль специального термина, означавшего строительство на нефтя-

¹ Байбаков Н.К. Дело жизни: Записки нефтяника. М., 1984. С. 256.

² Там же. С. 256–257.

³ Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М., 2003. С. 13

ных и газовых месторождениях. Позже оно стало синонимом начала жизни на новом месте, его обустройства¹.

Следующее понятие, вошедшее и в официальные документы и в мемуары, – «освоение». Очень часто оно используется вместе с понятием «нефтяная целина». Происходит оно от понятия освоить, т. е. вполне овладеть чем-нибудь, научиться пользоваться, распоряжаться, обрабатывать². С другой стороны, привыкнуть и вжиться. В Сибири же освоение понимали, с одной стороны, как преобразование, присоединение, с другой, как включение в общую систему. В частности, включение в систему топливного баланса Европейской части страны.

Эпоха сформировала и новое понятие – «нефтяная целина». Целина – никогда не паханная, а также много лет не подвергающаяся обработке земля или место, пространство, по которому никто не ходил и не ездил³. Несомненно, данное выражение есть отражение общеизвестного похода на целинные земли, т. е. дикие и необрабатываемые. Исходя из этой логики, индустриализация Севера понималась как окультуривание, качественное изменение неосвоенных земель.

Соответственно, логично появление такого понятия, как «первопроходец», тот, кто первый здесь ходил. Именно это понятие употребляется по отношению к ветеранам нефтегазового комплекса, первым представителям индустриального мира, привнесшим в традиционный край свои требования и законы развития.

Присутствуют и военные понятия, активно используемые в воспоминаниях, например: «поле битвы», «герой», «наступление», «дорога жизни». Они дают представление об изначально заложенных быстрых темпах индустриализации Севера, сравнимой с военной операцией, со своими победами, героями, жертвами и соответственно наградами. Интересно в этой связи замечание Ф.К. Салманова: «Так было, так есть и так будет до тех пор, пока существуют сложные регионы, пока есть трудные, горячие участки, которые и в мирное время называют передним краем»⁴.

Таким образом, можно говорить о формировании на основе более ранних представлений одного из образов Сибири как «дикого», но богатого региона, преобразовывающегося в индустриальный центр.

Данный факт отчасти объясняется экспансионистской сущностью процесса индустриализации и характеризуется стремлением в как можно более короткие сроки преобразовать, соединить с Европейской частью неосвоенные земли, не считаясь с проблемами и потерями.

Первоначальная заданность столь быстрых преобразований, отложившихся в воспоминаниях, была обусловлена, судя по архивным источникам, остро вставшим в СССР, вопросом обеспечения топливом. Заведующий отделом нефти и газа Совета народного хозяйства СССР П.П. Голонский отмечал: «На протяжении ряда лет, особенно это чувствовалось в 1964 г., было неудовле-

¹ Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень, 1998. С. 116.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений. М., 1994. С. 452.

³ Там же. С. 860.

⁴ Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М., 1988. С. 121.

творение народного хозяйства топливом... Нам не хватает сейчас 700 тыс. т. дизельного топлива для сельского хозяйства...»¹.

В традиционных регионах к началу 1960-х гг. снизились темпы прироста запасов углеводородного сырья, срочно нужны были новые регионы богатые нефтью и газом². При этом остро стоял вопрос о новых перспективных районах, это особенно касалось газодобычи, т. к. имеющиеся месторождения газа малодебитные и разбросаны на большой территории³. Соответственно, ставился вопрос о рентабельности разработки этих месторождений. Качественное отличие в этом вопросе Тюменской области, заключалось в высокой концентрации больших запасов нефти и газа в одном регионе, что при ограничении капиталовложений играло очень большую роль в выборе Тюменского Севера как основной территории наращивания добычи нефти и газа.

Представление о регионе, как преобразующемся в новое состояние, обусловило и наличие «романтического» образа территории. Романтика неустроенности, превалирование общественных интересов над личными, являлись ключевым компонентом воспоминаний.

Именно воспоминания позволяли через личные ощущения, переживания показать все трудности работы на Севере и, с другой стороны, героизм, возможность проверить себя в экстремальных условиях. Создавали образ необжитого края, преобразовываемого через индустриализацию и трудовой подвиг простых людей. Как писал Ф.К. Салманов в своих воспоминаниях: «Здесь все начиналось впервые, и поэтому было тяжело и со снабжением, и с бытом – во всем, причем трудности удесят�ерялись неверием “авторитетов” – скептиков в большую нефть Сибири, велась долгая, непримиримая, порой принимавшая драматические обороты, борьба. Были взлеты и падения, огорчения и радости – одним словом, большая настоящая жизнь, не знающая компромиссов и покоя»⁴.

Описывая людей, работавших там, авторы показывали личности, которые «презрев уют» и собственное благополучие стремились добиться результатов, т.е. найти нефть, начать ее эксплуатацию. Ярко это показал В.В. Бахилев (первый секретарь Сургутского и Нижневартовского горкома), описывая встречу жителей Усть-Балыка с инструктором ЦК КПСС В. С. Коноплевым. Рассматривая вопрос быта геологов, жители не жаловались на проблемы с обеспечением, тяжелыми жилищными условиями, а как написал автор: «И каждый говорил не об обидах на торгующие организации, хотя они и могли потребовать и расширения ассортимента товаров, и улучшения их качества. Но всех волновали другие проблемы: нехватка материалов, деталей, запчастей, волновало то, что мешало выполнению производственных планов, задерживало открытие нефтяных месторождений. И с завидным единогласием выступавшие говорили об этом, будто забыв о повестке дня»⁵.

¹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 179. Д. 8. Л. 167.

² Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005. С. 28.

³ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 179. Д. 8. Л. 168–169.

⁴ Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М., 1988. С. 121.

⁵ Бахилев В.В. Дорога к нефти. Свердловск, 1975. С. 42.

Формирование данной романтики необустроенности шло не на пустом месте, данный стандарт заложили еще прибывшие сюда первыми представители индустриальной профессии – геологи. Геологи – это одна из самых «кочевых» профессий. Это одновременно и производственные коллективы и поселенческие «микрообщности». Именно они и задали в начальный период стандарт романтики неустроенности, где на первое место ставилось создание промышленной базы, достижение результата, а потом уже «обживание» места. Позже пришли строители и нефтяники – производственники, в некоторой степени тоже представители «кочующих» профессий.

Большую роль играли и быстрые темпы освоения, которые обусловили остаточный принцип финансирования социальной сферы, и превалирование производственных интересов.

С другой стороны, образ региона включал в себя представление о крае как ключевом в экономике СССР. В связи с этим ощущалось и причастность к данному великому событию людей, которые здесь работали. Недаром в обиход прочно входит понятие «открытие века». Особенно ярко по этому поводу сказал М.И. Буянов: «...понимаете, мы себя людьми нужными своей стране, своему народу чувствовали. Знали, что делаем большое дело, что нас за это уважают: пишут о нас в газетах, рассказывают по телевидению, награждают высшими наградами, заботятся о нас и наших детях...»¹. Участники освоения ощущали постоянно свою ведущую роль, и в то же время хотели делать больше.

Образ региона включил в себя и формирование определенных представлений, «икон» в характеристиках людей (табл. 1).

Табл. 1

Количество приведенных в тексте характеристик участников освоения нефтегазового комплекса Западной Сибири

Мемуарист	Количество характеристик в тексте
Бахилев В.В.	17
Байбаков Н.К.	7
Салманов Ф.К.	11
Бирюков В.П.	13

Как видно из таблицы, в воспоминаниях присутствует большое количество характеристик различных людей, осваивавших природные богатства Севера Западной Сибири. Они дают возможность сформировать «идеальный портрет» «освоенца», партийного и производственного руководителя.

Одновременно образ «освоенца» становится «иконой» формирующегося «нового» сибиряка. Основной особенностью данного образа является идея «естественного отбора» приезжавших в регион людей. Именно процесс проверки, преодоления трудностей стал ключевым в формировании образа индустриального «сибиряка» второй половины XX в. (табл. 2).

¹ *Нефтегазостроители Западной Сибири*. Кн. 1. М., 2004. С. 97.

Табл. 2

**Социокультурная характеристика формирования
образа сибиряка – освоенца.**

Автор	Характерное описание
Ю.Г. Эрвье (Сибирские горизонты. Свердловск, 1968.)	<p>Росли задачи, росли объемы работ, росли люди. Молодежь, на плечи которой ложилась основная тяжесть, зрела и закалялась в суровых условиях. Слабые уезжали на юг, в теплые края, на запад, к благоустроенным квартирам, под крыло родителей. Большинство, которое осталось, прошло свою, тюменскую школу организации, геофизики, геологии, бурения, стало штурмовым отрядом разведчиков недр – нефтяников Сибири.</p> <p>Тюменская школа. Школа мужественных, инициативных и энергичных людей, закалявшихся в борьбе с преодолением суровой природы – с морозами зимой и бесчисленным гнусом летом, с таежной глухоманью и ураганными ветрами тундры, с абсолютным бездорожьем, неустроенностью быта. Да разве все перечислишь! (С. 56.)</p>
Ф.К. Салманов (Сибирь – судьба моя. М., 1988.)	<p>Геологоразведчики идут нехоженными тропами, трудностей хоть отбавляй. Нужны крепкие, любящие свое дело люди, своего рода одержимые, романтики. Почему-то последнее время эти слова стали употребляться с иронией. Славят больше расчетливых, которые себе на уме. Переориентировка принесла плоды незамедлительно. Думаю, не к чему скрывать, что часть добровольцев из ударных комсомольских отрядов, приезжающих на стройки Тюменской области, возвращаются домой, едва утихнет эхо духового оркестра встречающих. (С. 17.)</p> <p>Уже первая зима отсеяла слабых, не сумевших выдержать суровой нашей жизни. (С. 88.)</p>
В.В. Бахиллов (Дорога к нефти. Свердловск, 1975.)	<p>Они, комсомольцы семидесятых, теперь руководители бригад, участков, управлений. Живут в квартирах со всеми удобствами, а первым их жильем была койка в вагончике или в палатке. Всякие разговоры об уюте мы в то время обрывали, называли их "мещанскими". Впрочем, мы много недопонимали. Осуждая тех, кто покидал Север, мы зачастую не задумывались, что уезжают они вовсе не от морозов, распутицы ... (С. 77–78)</p>

Одновременно с этим проводились параллели с более ранними этапами освоения Севера Западной Сибири. Особенно ярко это проявилось в воспоминаниях Ф.К. Салманова, который отмечает:

«В Сибирь всегда шло много народу и много возвращалось обратно... Суровость и неуютность этих краев издавна устраивала строгий отбор колонистам и всевозможным покорителям. Чтобы прижиться и остаться здесь, нужно иметь дух сибиряка – ни минуты подъема, а состояние постоянной готовности ко всякого рода неожиданностям и неприятностям и умение преодолевать их без излишней затраты сил. Этот дух не обязательно должен родиться в Сибири, он может развиваться где

уюдно, но должен соответствовать Сибири, войти в общую атмосферу сопутствующим движением»¹.

Создавался определенный поведенческий стереотип, в первую очередь, для руководителей как производственных, так и партийных органов и организаций. Этот стереотип включает в себя разные стороны поведения «освоенца», по отношению к людям, определенный морально-этический стандарт, характер производственной деятельности, выражающийся в поддержке наиболее перспективного с точки зрения техники и технологии труда. Этот образ давал ключевые стороны поведения человека, включал его в определенную общепринятую модель. Соответственно, оценивание его шло с точки зрения именно этих критериев, включенных в сформировавшуюся «икону».

Еще один образ региона включал в себя представление о нем, как технически и технологически наиболее развитом и постоянно развивающемся. Регион позиционировался как наиболее развитый, где суровые условия и слабая индустриализация обусловили применение наиболее передового опыта и технологий в освоении. Как отмечал в своих воспоминаниях В.И. Долгих (секретарь ЦК КПСС): «Мы всегда помнили, что развитие Западной Сибири было своего рода локомотивом, двигавшем вперед народное хозяйство не только, скажем так, в макромасштабах.... Вообще, по степени мобилизующего действия на другие отрасли, на науку – как отраслевую, так и фундаментальную – нужды топливной промышленности можно без всяких натяжек сравнить с тем толчком, которое дало отечественной науке и промышленности развитие авиации. Оно подвигло на новые достижения ученых и производственников не только авиапрома, но и тех, кто работал на предприятиях и в научных учреждениях многих других отраслей: электронной и химической...»².

Рассказ о применении новых технологий в геологии, в освоении месторождений был одним из лейтмотивов воспоминаний. Включение данных сюжетов в повествование обусловлено характером взглядов мемуаристов о регионе как переходящим в новое индустриальное состояние. Причем переход этот осуществлялся в рамках, как отмечал Н.К. Байбаков, «создания отрасли, базирующейся на новейших достижениях научно-технического прогресса»³. Этот фактор формировал образ региона как наиболее перспективного в рамках Союза и динамично развивающегося.

В эпоху «застоя» Западно-Сибирский регион, несомненно, являлся наиболее динамично развивающимся во всем СССР, в него шли самые современные образцы техники и лучшие ресурсы страны. Однако сама обстановка была далека от «идеала». Большую роль играло отставание страны от стран Запада в области новых технологий, что обусловило и проблемы нефтегазового комплекса. Резкое увеличение добычи нефти, гонка за рекордами, экстенсивный характер развития отрасли обусловили на втором этапе, слабую техническую оснащенность и автоматизацию отрасли. В результате это привело к диспропорции и кризису в нефтегазовом комплексе в 1980-е гг.⁴.

¹ *Салманов Ф.К.* Жизнь как открытие. М., 2003. С. 147

² *Нефтегазостроители Западной Сибири.* Кн. 1... С. 22.

³ *Байбаков Н.К.* Дело жизни: Записки нефтяника. М., 1984. С. 295

⁴ *Карпов В.П.* История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса... С. 246–248.

В создаваемой модели-образе региона не нашлось места социальной сфере. Социальные проблемы в развитии региона не стояли на первых местах, они отходили на второй план на фоне осознания лидирующей роли нефтегазового комплекса Западной Сибири в топливном балансе страны. Образ преодоления трудностей и стихии природы превалировал над социальными проблемами, они героически преодолевались, следовательно, не являлись ключевыми.

Отметим исчезновение из образа региона характеристики его как территории ссылки, перевоспитания оступившихся людей.

Присутствие условно освобожденных имело место на Севере Западной Сибири. Как пишет В.П. Бирюков (партийный работник, секретарь партийного комитета Главтюменьнефтегаза): «Кому-то из «больших умов» пришло в голову завезти в Сургут большую партию условно-освобожденных из мест заключения – тысячи полторы, не меньше. Видимо, тот «большой ум» рассуждал так: приедут строители – им надо жилье, а там потребуются магазины, школы. А с эсками проще: их можно на зиму и в палатках оставить, а кому не нравится, начнет роптать – отправляйся обратно в лагерь. Вот такая примитивная логика, но для сургутян она вышла боком. Среди новых обитателей Сургута было немало рецидивистов. И Сургут оказался, как в осадном положении. Пьянство, разбой, насилие. Недалеко от нашего дома, на самой мирной улице «Народной» среди бела дня ножом в спину был убит находящийся в увольнении солдат местного воинского подразделения»¹.

Эти факты не изменили общую мифологему героического преобразования края в новую индустриальную территорию. Они не вписывались в «икону» образов преобразователей Севера.

Таким образом, можно говорить, что воспоминания участников создания и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири дают возможность реконструировать образ региона в сознании представителей социальных групп, которые осваивали его, начиная с 1960-х гг. Образ региона включил в себя несколько ключевых элементов, среди которых основными являются «идеальные» образы освоенцев, их роли в развитии страны. Данные образы формировались на основе ранних представлений о территории Сибири. Большую роль сыграл общеисторический фон суровости сибирского края и сами быстрые темпы индустриализации, преобразования неосвоенного края, с привнесением определенных ценностей и стереотипов, выработанных на более ранних стройках социализма.

¹ Бирюков В. Годы и люди земли тюменской: книга в 3-х ч. Тюмень, 2000. С. 280.